

О бедном Кощее замолвите слово

Автор:

[Ольга Громыко](#)

О бедном Кощее замолвите слово

Ольга Николаевна Громыко

Сказка – ложь, узнайте правду! #1

Связываться с женщинами – себе дороже! Особенно если это дипломированная ведьма, разъезжающая по белорусским лесам и весям в поисках работы, а пуще того – приключений. Но и от Василисы Премудрой ничего хорошего ждать нельзя! И будь ты хоть сам Кощей, брать ее в жены категорически не рекомендуется, иначе горько пожалеешь о своем бессмертии!

В общем, спасайтесь, кто может! В противном случае вы рискуете умереть... от смеха.

Ольга Громыко

О бедном Кощее замолвите слово

I

– Василисушка... – Томно, с придыханием молвил Илья Муромец, «незаметно» передвигаясь тяжелым окольчуженным задом по зеленому пригорку, на вершок

поближе ко мне. Слева от Илюши протянулась изрядная полоса примятой травы.

– Чего? – Мрачно буркнула я, отодвигаясь на полтора вершка. Эдак, чего доброго, пригорок и вовсе кончится, и загремлю я с обрывистого берега напрямик в Смородину-реку, а этот недотепа, чтоб его, еще кинется меня спасать и всенепременно потонет в своей двухпудовой броне. Вот уж точно: сила есть – ума не надо. Ну сами подумайте: такой славный, тихий летний вечер выдался, солнышко красное воду в Смородинке до самого бережка вызолотило, лебедушки на стрежне друг перед другом красуются, а он мне тычет пообломанной булавой в Калинов мост, и бает, в каких страшных мучениях подыхало обезглавленное им чудо-юдо. Дескать, «кровища аж до самого тридевятого царства волной в берега плескала». Нет бы рассказать предмету своей страсти баснь о далеких странах, о чудесах заморских... на худой конец, объяснил бы, как водяная мельница устроена, а то давно любопытствую, а растолковать некому – батюшка-царь государственными делами занят, третий день пьет в тереме меда хмельные с послами заморскими, бояре сами толком не знают, а сестрицам моим сие неинтересно. Им лишь бы наряды примерять да в тех нарядах перед царевичами-королевичами красоваться. На худой конец – перед богатырями вроде Муромца юбками вертеть. А от него, между прочим, так потом разит, что только у реки на ветерке сидеть и можно. И в бороде капуста из щей позапутывалась. Ну вот, теперь еще обниматься полез! А ручищи-то волосатые аж до самых ногтей, ногти пообломанные и грязь под ними позапрошлогодня пластами лежит, хоть ты паши да пшеничку сей. Еще приснится ночью, подушкой не отмашешься!

– Ты чаво?!!! – Реву я грубым голосом деревенской девки, запоздало смекнувшей, зачем пригожий молодец позвал ее в амбар. – А вот батюшке скажу, он ужо тебя!

Врал, наверное, про чудо-юдо. Испугался царского гнева, аж поджилки затряслись. Дескать, я его «неправильно поняла», он, видите ли, только «комарика зашибить» намеревался. Да к нему комарик на версту не подлетит, упадет замертво!

О, наконец-то! Нянюшка с чернавками идет! Думали, я тут за три часа зазябну и к груди богатырской прильну погреться? А шиш вам! Пусть лучше меня насквозь ветром продует, комары заживо съедят, а к Муромцу на плечо голову не склоню, не дождетесь!

Как же мне надоели эти богатыри, царевичи, королевичи, боярские детки, одни другого ядреней... У батюшки семь жен, тридцать дочек, чего он ко мне прицепился? Видите ли, «самая удалая, самая любимая, вся в него пошла». Вот пусть сам замуж и выходит, раз вся в него! Какая царевичам-королевичам разница, кого в жены брать, лишь бы полцарства за ней давали, как за мной? К одной шестидесятой они не больно-то сватаются, из двадцати девяти сестер только пятерых на свадебных возках и умчали. Зато – по любви. А есть ли она, та любовь? Мне уж точно не светит, даже лучика не кажет. Сорок сороков женихов за два года переглядела, ни один не приглянулся.

Вот батюшка ругается – мол, уж больно я переборливая, да моя ли в том вина? Взять того же Муромца – только мебель в тереме двигать и гож, с ним цветочки в лес нюхать не пойдешь, в игру берендейскую на клетчатой доске не сыграешь, стихи складывать не умеет, а чужие сказывать начнешь – засыпает. Зато, батюшка говорит, враги нас бояться будут, коль у него в зятях сам Илья Муромец числится. Как же, держи подол шире! Кто этого Илью боится? Только те, кто его издали видали, близко к врагам он не подходит, чтобы не зашибли ненароком!

Иван-царевич намедни сватался – да у него на лбу написано, что его в детстве из люльки роняли... а люлька та на колокольне висела. Говорят, вся челядь за глаза кличет его не царевичем, а... в общем, не великим разумником.

Васька Соловей зимой сватов засылал. Этого батюшка сам прогнал, еще и Муромца натравил. Оказалось, Соловей под шумок корону запасную, самоцветную, из сокровищницы спер, клеймо вытравил и шамаханам в тридевятое царство продал. Разбойник, что с него возьмешь...

Купец один подкатывал – Емеля Попович, что ли? Принес в подарок щуку трехсаженную, не знали, куда ее деть, ни в одном ларе со льдом не помещалась, так во дворе до весны и провалялась, пока не стухла. Под угрозой лишения головы заставили купца забрать ее обратно, дабы царицы коты не отравились.

Сами видите, выбор не велик, да стоять не велит – семнадцатый годок мне уж стукнул, еще месячишко-другой, и все: обзовут перестарком, не захотят заморские державы через меня с царем Еремеем родниться – коль красная девка о восемнадцати веснах замуж не выскочила, значит, что-то тут нечисто. И будь я хоть трижды Василиса Премудрая, Прекраснейшая из царевен Лукоморских, никто в мою сторону и не посмотрит.

Илья Муромец предпринял последнюю отчаянную попытку вытеснить меня с пригорка, но я резво вскочила на ноги и побежала навстречу нянюшке.

– Ах ты, дитятко мое бедное! – Воркует нянюшка, а сама на Муромца глазом косит: ну как? Растаяло сердечко девичье али сызнава упрямая царевна от ворот поворот дала? – Зазябла, поди? Ручки-то какие холодные... Вот, накинь платочек пуховый, мигом согреешься...

– Нянюшка, да какой платочек? – Возмущаюсь я. – Лето на дворе, с Ильей рядышком сидеть никакой мочи нет – кольчуга на солнце накалилась, так жаром и пышет. Пойду-ка я лучше в терем, скажу чернавкам, чтобы воды в бадью натаскали – ополоснуться.

Нянюшка огорченно вздохнула. Хорошая она у меня, добрая, ласковая, только вот никак в толк взять не может – лучше уж совсем без мужа, чем за абы-каким всю жизнь маяться.

А в тереме – беготня, крик, суматоха! Изловила я за полу боярина, мимо пробежавшего, к ответу призвала. Боярин длиннобородый царевне перечить не осмелился, разъяснил сбивчиво: приехал, мол, к царю Кощей Бессмертный свататься... тьфу, к дочкам царевым, сестрам моим сводным, оттого и переполох великий – Кощей вот-вот явится невесту себе выбирать, а в тереме до сих пор не прибрано, у батюшки-царя борода с обеда не чесана, корона не полирована, речь не заготовлена.

Отпустила я боярина, он дальше побежал, да забавно так: опрометью мчаться чин не позволяет, челядь засмеет, вот он и старается: спины не гнет, руками не машет, только коленки высоко подкидывает. По мне, так еще смешнее выходит.

Меня в залу тронную не звали – сама мимо стражников прошмыгнула, встала за тронном царевым. Сестренки мои сводные уже все вдоль стеночки рядом выстроились, в праздничные сарафаны вырядились, косы золотыми лентами переплели, кокошники жемчужные напялили... было бы для кого! За неполный год сменилось у Кощей шесть жен, больше месяца ни одна не продержалась. Сорок дней, душегубец, в трауре походит, и снова к царским дочкам сватается. Трижды с Берендеем породнился, трижды с Горохом, теперь и до нашего Лукоморья черед дошел. Известно, дочерей у царей – как слив в урожайный год,

только успевай с рук сбывать, пока в самом соку и червиветь не начали. На всех не то что царевичей – приданого не напасешься, а Кощей сам за невесту богатый выкуп дает, три пуда золотом, вот цари и рады стараться – отжалуют чернокнижнику пару-тройку детищ бесчисленных, и ладно, а там пусть он их хоть с маслом кушает, лишь бы в зятях значился. Убыток невелик, зато польза для государства немалая – не полезут на стольный град поганые басурмане, если знают, что сидит-посиживает между градом и степями привольными такой вот Кощей с дружиной. Любимиц-красавиц вроде меня, конечно, Кощеям так просто не отдают, потому и о смотринах известить не удосужились. Не прогнали – и на том спасибо.

Пока я так размышляла, вошел Кощей, а с ним главный воевода всего войска Кощеева, видом грозен, но ликом пригож – темнокудрый, нос горбинкой, губы кривит насмешливо, точно не в царский терем, а в село на посиделки выбрался.

А вот Кощей подкачал. После Ильи Муромца, свежего, румяного, упитанного (чисто поросенок печеный) и глядеть-то не на что. Ростом, пожалуй, повыше меня будет, да толку в том росте – кожа, кости да жилы сухие. Истинно – сдыхоть, в чем только душа держится?

Тут Кощей мельком глянул в мою сторону... я так к земле и приросла, только что корни со страху не пустила. Очи Кощиевы от колдовства-то повыцвели, белесыми стали, как снег в редкой тени, а уж зрачки – словно кто пищаль взведенную прямо в лоб нацелил. Жуть! Отвернулся чернокнижник, пошел дальше. Черный плащ полой по полу шебуршит, седые волосы по плечам гривой рассыпались. Вот уж не повезет которой...

А Кощей долго и не раздумывал. Один только раз вдоль ряда прошелся, с воеводой переглянулся понимающе, пальцем ткнул:

– Эту.

Марфуша как заревет – собаки на псарне лаем зашлись! Голосище-то у моей сестренки как у протодьякона, бас пуще коровьего... Мамки-няньки давай ее утешать, пряники сахарные под нос совать. А Марфуша и через пряник реветь умудряется, да громко так, сердито! Тогда мамки-няньки ее под белые рученьки – да вон из зала, чтобы жених, чего доброго, не передумал, повнимательней к невесте приглядевшись.

Батюшка выбором Кощеевым дюже доволен остался – навряд ли еще кто на Марфушу польстится, сам-то он к ней и на версту бы не подошел, ну да дело вкуса.

– А что, – говорит царь с искусным намеком, – есть ли у тебя, зятек, на что пир свадебный справить?

Хлопнул Кощей в ладоши, глядь – откуда не возьмись, явился у трона царского сундук кованный, резьбой дивной изукрашенный. Три пуда обещанных.

– От слов своих не отказываюсь, да мне на пиру гулять недосуг, достанет и обряда венчального.

– Нет, совсем без пира нельзя. – Уперся царь. – Что это за дела – свадьбу царевой дочери не отметить? Либо через неделю пир горой закатим, как только стряпухи кушаний всяческих наготовят, караваев напекут, либо, если тебе так уж невтерпеж, одним махом две свадьбы сыграем – завтра дочь моя любимая, Василисушка, за Илью Муромца выходит.

– Завтра так завтра. – Согласился чернокнижник, вдругорядь в ладоши плеснул – в сундуке крышка сама собой распахнулась, батюшка только ноги поджать успел, а там – золота да камней с горкой насыпано.

– Что-о-о-о?! – Подавилась оканьем «любимая дочь Василисушка». – Какая-токая свадьба? Какой Муромец?!

Выскочила я из-за трона, очами грозными на батюшку сверкнула, бока руками подперла. Царь так в спинку и вжался, корона на лоб сползла. Я-то не Марфуша, я реветь не буду, как приложу ручкой белой, да по уху – мало не покажется!

– Эк ты, батюшка, ловко за моей спиной распорядился, меня не спросив! А я-то думаю – с чего бы это Муромец за мной третий день хвостом ходит, как соломина, к каблучку приставшая! Ан вон оно что! Женишком себя возомнил, борода капустная! Шиш ему!

И показала шиш. Бояре так и охнули. Царь шиш у себя из-под носа отодвинул аккуратненько, Кощею поясняет виновато:

- Это она от радости неожиданной в уме чуток тронулась, скоро охолонет.

И мне сквозь зубы: «Василиса, уйди добром, не позорь меня перед послами заморскими! После поговорим!»

- Нет уж, я сейчас скажу, чтобы все слышали - не бывать завтрашней свадьбе, пушай Кощей с Марфушей вместо меня гуляют, а я за Муромца не пойду, и весь сказ!

- Пойдешь, как миленькая!

- А вот и не пойду! - Я ножкой как притопну, у батюшка корона так с головы и покатила, еле подхватить успел. Воевода Кощеев ухмыляется - виданное ли дело, девка встрепанная на царя войной пошла!

- В темнице сгною! - Неуверенно пообещал царь, привыкший пугать бояр да челядинцев.

- Что-о-о?!?!

- В покоях запру! - Торопливо поправился батюшка. - И сластей давать не велю!

Смотрю - кивнул стражникам, те, стыдливо потупившись, уже ко мне подступают. Стряхнула я руки постылые, спину гордо выпрямила, развернулась - только коса по воздуху свистнула, корону батюшкину наново сбила - да и прошла прочь из залы, сам Кощей посторонился, меня пропуская.

- Попадись мне только Илья Муромец - голыми руками на клочки разорву, не посмотрю, что богатырь! - Бушевала я, расхаживая взад-вперед по горнице, для наглядности разрывая напололам подвернувшийся под руки платочек. Муромец, не будь дурак, где-то схоронился до завтраго, весь терем обегала - не нашла. Нянюшка с причитаниями семенила следом:

- Да что ты, Василисушка, такое говоришь! Все сестры тебе завидуют, все купчихи-боярыни слезами обливаются, все холопки по Илюше сохнут - такой справный молодец тебе достался! За ним как за каменной стеной будешь!

– За стеной каменной? В темнице, что ль? – Не унял платочек моего гнева, примерилась я к вазе расписной из глины заморской, «фарфоры» по-ихнему.

– Бог с тобой, дитятко! – Чуть не плачет нянюшка. – Не убивайся ты так, касаточка моя – девки, они завсегда перед свадьбой страсти всякие себе надумывают, а опосля первой брачной ночи тихими да ласковыми становятся... Портнихи царицы тебе уже платье венчалное сшили, до того красивое, прямо дух захватывает, поди-ка примерь!

– Этот проходимец у меня до первого брачного утра не доживет! – И хрясь вазу об пол, только осколки брызнули, а вперемешку с ними – огрызки яблочные, корки от пирогов подгорелые, скорлупа ореховая, мышь дохлая – то-то мы с сестрами гадали, отчего в горнице вторую неделю тяжелый дух стоит!

– Не разумеешь ты, Василисушка, своего счастья, – совестит меня нянюшка, – вон, Марфушу и вовсе за Кощея просватали, однако ж она не упирается, отцу – срамотища-то какая! – прилюдно шишей не кажет!

– А что ж она так ревела, коль согласная? – Летит на пол вторая ваза. Горлышко у ней поуже, потому и мусор мелкий – шелуха подсолнечная.

– От радости великой! – Сама себе перечит нянюшка – только что сестру в пример ставила.

– Еще бы ей не радоваться, от Кощея хоть потом прошлогодним не смердит!

Перебила я всю фарфору – успокоилась. Кликнула чернавку, та пол подмела чистенько, новые вазы из кладовки принесла, от паутины протерла, по местам расставила. Невелик убыток – всяк гость, на пир царский едучи, вазу в дар оставить норовит, тоже кем-то подаренную. Вазы еще куда ни шло, в них хоть крупы да меда хранить можно, а вот картины царь прямо на помойку возами вывозить велит. Есть у меня подозрение великое, что с той помойки картины живо разбирают и вдругорядь нам дарят.

Услала я нянюшку за кваском, сижу, думаю думаю. Не пойду за Муромца – отец, того и гляди, впрямь затворницей сделает, хорошо если на неделю, а там другого жениха подыщет, того же Ивана-царевича, тьфу-тьфу-тьфу, где тут деревянное что – постучать от сглаза? Пойду – сама себя схороню на веки

вечные...

А батюшка тут как тут – брови, видать, загодя перед дверями нахмурил, духу набираясь. В руке листок с речью комкает, мне на усвоение волхвом написанную, начало вспоминает:

– Василиса, дочь моя единокровная, тебе, как царевне наследной, хорошо ведомо, что интересы государства требуют как можно скорейшего твоего замужества, ибо в настоящий момент у официально царствующего лица, то бишь меня, наблюдается плачевное отсутствие наследников мужского пола, а посему трон мой перейдет только ко внуку, коего еще и в помине нет. Твоя свадьба с Ильей Муромцем является стратегически важным политическим шагом в укреплении престижа нашего государства, способствует повышению авторитета у простого народа...

– Чего-чего там у народа повышается? – Не поняла я.

Царь, как видно, и сам толком не знал, волхвом подученный. Кашлянул батюшка смущенно, поскреб в затылке, простыми словами заговорил:

– В общем, выходи за Илюшу сей же час, а не то худо будет!

Я только плечиками свысока передернула:

– И стоило из-за эдакой малости сыр-бор городить? Надо – выйду, только упреждать изволь заранее, а не накануне свадьбы, я и подружек-то на девичник скликать не успела...

Царь с листком сверился – непорядок: там еще уговоров сорок строк, а дочь уже согласная. Пропускать жалко: сам, когда в первый раз читал, их силе да разумности дивился.

– На, – говорит, – почитай на досуге, а я к Марфуше еще схожу, а то как бы она... от радости великой... не удавилась.

Толстые в тереме двери, добротные, а махонькая щелочка всегда найдется. Прильнула я ухом, слушаю.

Царь (убедительно, с другого листка): – Ты, Марфуша, оставь эти свои средневековые предрассудки. Это раньше мы колдунов на кол сажали, а теперича они у нас самые что ни есть уважаемые граждане, стратегически ценные субъекты, их на кол ни-ни! Тем более, он все равно бессмертный...

Марфуша (с ревом): – Он уже шесть жен загуби-и-ил!

Царь (оптимистично): – Ну вот видишь, семь – число счастливое! А почему ты знаешь, как он их загубил? Может, он шибко до ласк охочий, а жены все изнеженные попадались, не сдюжили? А ты у нас девка видная, в теле, сразу ему приглянулась, авось через годик-другой и Кощееночка деду на радость принесешь...

Марфуша (недоверчиво шмыгая носом): – Да-а, по нему не скажешь, что охочий – глиста бледная, костлявая, даже борода толком не растет!

Царь (задумчиво): – Может, он в детстве болел много?

Марфуша (снова заливаясь слезами): – Тятенька, я его боюсь! У него лицо страшное!

Царь (преувеличено бодро): – Как говорится, с лица воды не пить! А бороду нынче брить ничуть не зазорно, даже модно. Так что, Марфуша, вот тебе мое отеческое благословение, а заодно и царский указ: чтобы завтра к обеду причесалась-нарядилась-нарумянилась, будем тебя замуж выдавать. И не реви, кому говорят!

Марфуша (назло, что есть мочи): – Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы!

Царь, заткнув уши, выскочил из горницы, я едва успела за дверью схорониться.

Только батюшка подальше отошел – я в опочивальню прошмыгнула. Н-да... сестрица моя и так, честно говоря, красотой излишней не блещет – рябая, простоватая, нос картошкой, уши лопухами – а зареванная и вовсе почище пугала огородного будет. И что в ней Кощей нашел? А уж в теле так в теле, двумя руками не охватишь, разве что за шею...

- Будет тебе реветь, - говорю, - хочешь богатыря в законные мужья?

У Марфуши разом слезы высохли.

- Что? - Не веря своим ушам, переспросила сестричка. - Это как?

- А так. - План у меня был очень простой. - Я не хочу выходить за Илью Муромца, а ты - за Кощея. Давай обменяемся женихами!

- А вдруг они не согласятся? - Не поверила Марфуша. Ох, и глупа же моя сестрица! Под стать Ивану-царевичу.

- Да мы их и спрашивать не станем. - Терпеливо объяснила я. - Под покрывами венчальными подлога не заметят, а там поздно будет, развезут по теремам как миленькие.

Сестру долго уговаривать не надо! В детстве, помню, убежим с ней вместе в лес, найдем каких ни есть ягод, Марфуше только скажи - съедобные, так она, не задумавшись, до того ими укушается, что волхв потом только за голову хватается, царскому дитяти желудок прочищая.

На том и порешили.

Ночью, как челядь спать полегла, сбежались мы с Марфушей в одну комнату и давай хозяйничать при лучинах! Сделали из двух подвенечных платьев полтора да половинку - от Марфушиного нижние юбки отпорол, к моему подшили, чтобы пышнее казалось. Стала я в том платье толще Марфуши, а Марфуша в урезанном со мной сравнялась. Верх решили не трогать - все одно его под покрывами не видать, а ростом мы ровные. Обменялись бусами, веночками. Едва до петухов успели. Помогли друг другу обрядиться, платья сзади застегнуть, покрывы ровно приладить, чтобы чернавки поправлять не надумали, да и разошлись по опочивальням - Марфуша в мою, я - в Марфушину.

Только солнце яркое луч в окошко кинуло, набежали мамки-няньки, сестренки-подружки, давай причитать, как исстари заведено. А мы все молчим да отмахиваемся, близко к себе не подпускаем, дабы обман наш не раскрылся.

Хорошо, никто не обижается, не настаивает. Все понимают: невесты и без того в волнении великом, не спалось им, горемычным, всю ночь одевались-прихорашивались, чтобы в срок к венцу поспеть.

Пока собирались, слух прошел: женихи приехали, ждут в тронной зале. Подружки заторопили – выходить пора! Так во мне все и перевернулось-захолонуло. Я, Василиса Прекрасная, да за Кощея Бессмертного замуж выхожу! Ужас-то какой! Потом вспомнила Ильюшину бороду, враз полегчало. У Кощея хоть мучиться недолго буду.

Свели меня вниз по лестнице, к зале тронной. В покрове щелка махонькая, прямо перед собой вижу, а ноги где-то там внизу остались, на каждой ступеньке спотыкаются, няньки-мамки охают, под ручки крепко держат.

Распахнулись двери створчатые, ступила я за порог несмело.

А гостей в терем набилось – зала только что по швам не трещит. Съехались отовсюду дальние родственники, сбежались ближние, батюшка заграничных послов пригласил, чтобы на приемах сэкономить, не проставляться отдельно. Все подружки мои да Марфушины тут как тут, челядь любопытная работу побросала – даже ключница, бабка столетняя, приковыляла на невест посмотреть. А чего там смотреть? Красный покров до пояса, ниже юбки сборчатые до самой земли, а за ними хвостом крысиным шлейф по полу волочится, пыль подметает.

Заиграли дудошники да гусяры, затянул венчальную двухдюжинный хор, кто-то меня в спину толкнул, и пошла я, одна-одинешенька, по дорожке ковровой, предо мной раскатанной. Гляжу – из двери напротив Марфуша выходит, ступает меленько. Дорожки в один угол сходятся, и стоит в том углу волхв с посохом вербным, омелой украшенным, книгу в руках держит ветхую, по коей еще мою прапрабабку венчали. По обе руки волхва женихи наши свежеиспеченные стоят. Муромец кафтан красный с золотом напялил, кочетом выступает, в баньке ради такого случая попарился: щечки разрумянились, кудри встопорщились, борода венником распушилась. А Кощей все в том же плаще, только рубаху сменил, позевывает украдкой.

Что там волхв говорил, я толком и не слушала. На Кощееву руку правую дивилась: покривленная она какая-то, иссохшая, и пальцы вроде с трудом

гнутся. Кощей все ими в воздухе перебирал, разминал.

Тут шум в зале поутих, все почему-то на меня уставились. Батюшка вперед подался, Кощей глянул удивленно. Никак, пропустила что?

Волхв терпеливо повторил:

– ...согласна ли ты, Марфа Еремеевна...

– Ыгы. – Невнятно пробурчала я, подражая Марфушиному басу, и скоренько ткнула большим пальцем в подставленное Кощеем кольцо – на безымянном сестрин перстенок браслетом повиснет. Батюшка выдохнул облегченно, на спинку трона откинулся.

– ...согласна ли ты, Василиса Еремеевна...

– Да!!! – Как можно тоньше пискнула Марфуша, кокетливо протягивая Муромцу мизинец.

– ...во имя солнца и луны, неба и земли объявляю вас мужьями и женами! – Торжественно заключил волхв, со стуком опуская посох.

Гости заулыбались, зашушукались, царь пустил слезу. Мы с Марфушей повернулись к свежеиспеченным мужьям и одновременно откинули с лиц покровы.

Что тут началось! Все бегает, всем весело. Батюшка скипетр уронил, волхв так на пол и сел, гости кто охает, кто хихикает, Муромец ревет белугой, от Марфуши отмахивается, а та все норовит законного супруга в губы лобызнуть. Кощей глаза вытарацил, застыл, чисто ерш во льду, с лица своего бледного спал, только губами чуть шевелит. Воевода Кощеев смотрел-смотрел, да как захохочет! Так пополам и перегнулся, по коленям себя бьет, приговаривает: «Вот те раз! Ну и дела! Хорошо, не ключницу подсунули!». Кощей на батюшку: «Ты что же это, царь, шутки со мной шутить удумал?! Забирай свою пигалицу вертлявую, отдавай мою нареченную!».

Волхв (сокрушенно) – Увы, венчальный обряд свершен по всем правилам, и расторгнуть ваш брак может только смерть одного из супругов... вам, молодой, это, по всей видимости, не грозит...

Царь (распаляясь на глазах): – Не смей оскорблять мою любимую дочь, ты, зять худосочный! Стража!!!

Стража не торопилась на место свадебных действий, пугливо жалась за дверь, поглядывая на разъяренного Кощея.

Воевода (покашливая-отсмеиваясь): – А какая тебе, Кощей, разница? Бери эту и пошли отсюда. В другой раз ты возьмешь...

Тут мне сразу стало как-то не до смеха. А Кощей протянул руку, не глядя, схватил меня повыше локтя и поволок за собой прочь из тронной залы. Покров слетел с моей головы и остался на полу ярким алым пятном.

Началась моя недолгая замужняя жизнь...

II

Прямо за порогом терема батюшкиного стоит возок свадебный, шестерней запряженный. Пока венчание шло, подружки его лентами изукрасили, мальчишки дворовые кошку дохлую к задку на веревке привесили – на счастье. Около возка дружинники Кощеевы при конях оседланных караул несут. Увидали меня – рты разинули, молодого поздравлять не решаются. Кощей и сам не рад, как дело обернулось, поскорее усадил меня на возок – и ходу. Воевода правит, Кощей рядом сидит, разговаривают вполголоса, на меня даже не глядят. Дружинники по бокам скачут, чтобы я, чего доброго, по дороге не спрыгнула. Не дождутся! Сам женился, теперь сам пушай и мается!

Долго ли, коротко ехали – стоит в чистом поле терем Кощеев, двухрядным частоколом обнесенный. Свистнул Кощей, распахнулись ворота железные, влетела шестерня во просторный двор, и ворота вслед затворились. Вышла на крыльцо старуха древняя, каравай румяный на полотенце вынесла – молодых

привечать.

Разглядела меня – каравай хлоп в грязь! Как накинется старуха на Кощея – да полотенцем его по спине, по шее!

– Ты кого привез, черт шибутной, куда глаза твои окаянные глядели?! На такую красу руку поднял, чтоб она у тебя вконец отсохла!

Воевода на выручку Кощею спешит, полотенце изловил и к себе тянет:

– Ты, Прасковья Лукинишна, погоди казнить, сперва накорми-напои, в баньке попарь, спать уложи, опосля и бранись – у нас и без того день тяжелый выдался.

У бабки и на воеводу брани достало:

– Ишь, заступничек выискался, знаю я тебя – сам, небось, и подучил!
Ой, девонька, а ты ж такая молоденькая, тебе бы еще жить-поживать, ить загубили злыдни лютые...

– Она сама кого хошь загубит... – Ворчит Кощей, норовя мимо бабки в терем прошмыгнуть. – Поговори ты с ней, Черномор Горыныч, сил моих больше нет...

И воеводе что-то в руку вложил, серебро блеснуло.

Старуха тут же полотенце выпустила, заохала жалостливо:

– Костюшенька, да ты не приболел случаем? Не ровен час, ветром по дороге продуло? Пойди приляг, касатик, а я тебе кисельку малинового наварю, с медком летошним покушаешь...

Не успела я опомниться – остались мы на крыльце вдвоем с воеводой, старуха вредная еще и дверь перед нами захлопнула, побежала Костюшеньку своего ненаглядного кисельком отпаивать. Куда я попала?! Мужу на меня глядеть тошно, челяди дела нет, до смерти четыре недели осталось...

А воеводе все веселье:

– Ты, Василиса, на стряпуху нашу с обидой не гляди, она бабка сварливая, да отходчивая. Сейчас чернавку сыщем, она тебя в опочивальню проводит, вещи занесет. Не печалься, все уладится.

Кликнул воевода, прибежала девка рябая, работающая, поклонилась низенько, назвалась Матреной. Вещей-то у меня кот наплакал, только то, что гости перед венчанием в возок положить успели, чтобы в залу с собой не тащить: вазы, всенепременно, четыре штуки, клетка золотая – намек чей-то глупый, сапожки, на Марфушу шитые – две ноги в голенище уместятся, каблучки не подковками – подковами лошадиными подбитые, бусы корундовые в коробочке, да из сверточка малого кружева выглядывают.

Пошла я за чернавкой, и воевода следом. Богатую мне опочивальню Кощей выделил, просторную да светлую, кровать под пологом кружевным семью перинами укрыта, на них семь подушек горкой уложено, полстены зеркалом в раме картинной занято, а под ним – столик с притираниями и духами заморскими в пузырьках хрустальных. Пока чернавка вещи носила, воевода, наказ Кощеев выполняя, такой разговор повел:

– А теперь, Василиса Еремеевна, слушай меня внимательно, да на косу, в отсутствие уса, мотай. По терему и во дворе ходи свободно, делай, что душеньке твоей угодно, челядью командуй смело, гостей принимай, в чем нужда возникнет – наряд там али перстенок какой – у Кощея попроси, он не откажет, но сама за ворота – ни ногой, и цепочку эту носи не снимая, иначе – смерть. Поняла?

Протянул воевода мне цепочку – звенья серебряные, подвесок изумрудный, в виде черепа обточенный, изнутри огоньком живым подмигивает.

– Поняла, – говорю, – а вы с Кошеем по очереди за воротами с топором караулить будете?

И что я такого смешного сказала? Воеводу пополам согнуло.

– Нет, Прасковью Лукинишну приставим! – Наконец отвечает. – Выбрось-ка ты из головы эти глупости, делай, как велено, и никакой беды не приключится.

Застегнула я на шею цепочку, а прежде кольцо обручальное на нее привесила – все равно с пальца валится. Подумаешь, могу даже из терема не выходить, если только за тем дело стало, да вот гложет меня сомнение великое в словах воеводиных...

Что творится между мужем и женой под покровом первой брачной ночи, я не раз слыхивала. Замужние сестры баяли. Накануне свадьбы нянюшка, правда, пыталась мне что-то втолковать касательно тычинок и пестиков, но сама запуталась и, махнув рукой, под конец сказала: «В жисть не поверю, чтобы молодые сами не разобрались!».

Вот и разбираюсь. В гордом одиночестве, на прибранной кровати. Светец едва тлеет, скоро угаснет. Чернавки особой ко мне не приставили, сменить лучину некому. Я сидела на краешке кровати в роскошной кружевной сорочке, свадебном подарке посла некой заграничной державы, с которым батюшка благополучно допился до бессрочных кредитов, потирала друг о друга зябнущие пятки и злилась все больше. Мой законный супруг почему-то запаздывал с выплатой первого супружеского долга. Сначала я со страхом прислушивалась к тишине за дверями – пускай только заявится, уж я ему покажу Кузькину мать, чтоб самую дорогу к моей опочивальне забыл! – потом ожидание начало раздражать. Он там бродит невесть где, а я его ждать должна, очей не смыкая? И спать вроде как-то неприлично, первая брачная ночь все-таки...

Ближе к полуночи я смекнула, что Кощей решил ограничиться взаимозачетом. Мне тут же расхотелось спать. С какой это стати меня, царскую дочь, прекраснейшую из царевен Лукоморья, с первого же дня обделяют прелестями супружеской жизни?! Прелести, конечно, сомнительные, тем паче опосля батюшкиных домыслов касательно моих померших предшественниц, но до чего же обидно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/olga-gromyko/o-bednom-koschee-zamolvite-slovo>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)